

ДАНИИЛ ПАНКОВ

ЗАСТРЯВШИЕ

Даниил Панков

Застрявшие

«Автор»

2026

Панков Д. В.

Застрявшие / Д. В. Панков — «Автор», 2026

Молодой перспективный хоккеист и трое его товарищей оказываются намертво заперты в телах и сознании оперативников СМЕРШ. На дворе — переломный 1943 год. Боль, кровь и смерть здесь абсолютно настоящие. Чтобы выжить и попытаться найти путь в свой мир, парням из XXI века придется стать безжалостными волкодавами тайной войны. Им предстоит выполнять сложнейшие задания советского командования: отслеживать и арестовывать хитрых вражеских диверсантов в тылу, вести рискованные радиоигры с немецкой разведкой и предотвращать масштабные диверсии на стратегических объектах. Ставки возрастают до предела, когда отряд выходит на след элитных агентов, заброшенных с особой миссией — совершить дерзкие покушения на высших руководителей страны. Используя нестандартное мышление, спортивные тайминги и командную слаженность, друзья должны предотвратить историческую катастрофу и переиграть профессионалов из абвера. Но главное приключение впереди, а тайна скрывается в их времени.

© Панков Д. В., 2026

© Автор, 2026

Даниил Панков

Застрявшие

Глава 1

ГЛАВА 1. Новогодний финт

31 декабря 1942 года, 23:15. Ржевско-Вяземский рубеж.

Мороз стоял такой, что деревья в заснеженном лесу трещали, и треск этот был похож на усталый стон. Минус тридцать, если не все тридцать пять. Выдыхаемый воздух мгновенно превращался в колкую ледяную крупу и оседал белым инеем на воротнике полушубка и заиндевших бровях.

Младший лейтенант Пётр Найдёнов, для друзей просто Димон, лежал в сугробе на опушке леса, не дыша и не шевелясь. Пальцы в промёрзших рукавицах уже почти не чувствовали трофейного шестикратного бинокля «Zeiss». Взгляд двадцатилетнего парня был сфокусирован предельно чётко на компании немецких офицеров неподалёку. Натренированное годами хоккейных спаррингов пространственное зрение схватывало всю картинку целиком: тайминг и расстановку сил на «поле».

В полукилометре перед ним, у развалин сгоревшей деревни, замаскированные лапником, урчали немецкие танки и штабные «Опели».

В штабе полка все были уверены: немец ударит ровно в полночь по левому флангу. Туда стянули последние резервы, там пристреливали орудия. Но Димону не давала покоя странная активность, уж больно показная! Пробравшись в заснеженный тыл врага, он подтвердил свои догадки. Левый фланг немцев выглядел слишком шумным: двое егерей гоняли тягач без глушителя, да пара миномётов время от времени суматошно лупила по пустым сугробам.

Настоящий «кулак» — батальон пехоты в маскхалатах и тяжёлая бронетехника — молча застыли справа.

Возле крытого штабного грузовика при свете тусклого фонаря немецкий гауптман проводил летучку для командиров рот. Слышать их на таком расстоянии через свист морозного ветра было невозможно, но Димон сфокусировал линзы бинокля прямо на освещённом снизу лице офицера и поджал губы.

«Спасибо тренеру...» — благодарно подумал он.

В юниорской хоккейной лиге второй тренер заставлял форвардов на каждой раскатке зорко пасти скамейку соперников. Во время тридцатисекундных тайм-аутов, когда трибуны орали так, что закладывало уши, Димон нашёл в интернете пособие и научился считывать по губам чужого тренера, какую именно комбинацию тот готовит на вбрасывание.

Сейчас немецкий капитан чеканил инструкции, тыча пальцем в планшет. Его губы под аккуратно подстриженными усиками складывались предельно отчётливо: «Null... Uhr... Fünfzehn!».

— Пятнадцать минут первого, — шепнул Димон, опуская бинокль. — Ровно в ноль-пятнадцать. Спасибо за тайминг, капитан!

До их атаки оставалось тридцать минут. В 00:15 этот бронированный кулак ударит во фланг ничего не подозревавшему советскому полку и просто сомнёт его в наступившем Новом году. Полевая рация осталась у убитого радиста в трёх километрах позади. До штаба комдива по заваленной глубоким снегом лесной дороге — добрых шесть километров. По сугробам пешком — минимум полтора часа ходьбы. Полку конец.

— Нет, пацаны, так дело не пойдёт, — пробормотал Димон. — Главный тренер за такой пропуск контратаки меня бы до конца сезона на скамейку запасных усадил.

Он перевёл взгляд вниз, на извилистую ленту замёрзшей речушки, змеившейся прямо от рощи, где он и обосновал свой наблюдательный пункт, до самого штабного блиндажа. Лёд на ней после дневной оттепели и резкого вечернего удара мороза встал идеально ровный и гладкий, точно только что американские «Замбони» обновили зеркало на арене «Лужников».

— Что делать? — сам себя спросил Димон.

Тут его взгляд упал на брошенные возле сгоревшего сарая детские салазки. Две минуты судорожной работы: стальные полозья сорваны вместе с деревянным каркасом. Ещё минута — и стальные лезвия намертво прикручены пеньковой бечевой к подошвам подшитых валенок.

— Прямо ССМ, куда деваться! — ехидно буркнул себе под нос Димон, проверив экипировку, чтобы ничего не мешало бегу.

Его пальцы дрожали, но не от холода, а от бешеного спортивного азарта.

Димон поднялся во весь рост, выскочил на зеркальный лёд реки, сделал пару пробных толчков — сталь сухо и хищно въелась в застывшую воду.

— Погнали! — буркнул он в морозную ночь и вложил всю силу двадцатилетних ног нападающего в мощный стартовый разгон.

Ветер засвистел в ушах. Деревья по берегам превратились в сплошную тёмную полосу. Димон мчал по изгибам реки на бешеной скорости форварда, закладывая глубокие виражи на ребрах самодельных коньков. Лёд, который он любил и осваивал с девяти лет, с того самого момента, когда отец, хоть и поздно, но, заметив, как он гоняет на коробке во дворе, привёл его в 2015-м на «ВТБ-Арену», нёс его к своим быстрее любого штабного «Виллиса».

На крутом повороте из-за прибрежного ивняка неожиданно выросли две фигуры в мышино-серых шинелях. Немецкий патруль!

Первый егерь от неожиданности едва не выронил канистру, а второй успел вскинуть винтовку: — Halt! Wer da?!

У Димона не было времени тормозить или доставать наган. Скорость была запредельной. Первого немца он обошёл на ложном финте, заложив крутую дугу влево и заставив егеря завалиться в сугроб. А вот со вторым разминуться на узком ледяном пятачке было невозможно. Димон за долю секунды сгруппировался, прижал локти к рёбрам, заложил плечо и на полной скорости впечатался во второго немца классическим хоккейным силовым приёмом — «корпус в корпус»!

ХРУСТ!

Плотный, затянутый в сукно немецкий егерь с ошалелым криком вылетел с ледяной трассы, описал в воздухе дугу и с громким «Плюх!» влетел прямо в дымящуюся полынью у крутого берега, где они набирали воду!

— Чистый силовой! Без фола! — крикнул на лету Димон, даже не обернувшись, и устремился дальше по ледяному зеркалу.

23:59. КП 144-й стрелковой дивизии.

В бревенчатый штабной блиндаж он ворвался как ураган, не обращая внимания на денщика, пытавшегося преградить путь. На столе, накрытом плащ-палаткой, стояли железные кружки.

Измощённый, с красными от бессонницы глазами комдив полковник Стрельцов посмотрел на карманные часы и поднял кружку: — Ну что, товарищи офицеры... Тридцать секунд осталось. Давайте по маленькой. За Новый, сорок третий год. За Победу.

Офицеры штаба поднесли кружки к губам.

ХРЯСЬ!

Слетела вниз другая плащ-палатка, изображающая дверь. На пороге, клубясь морозным паром, появился младший лейтенант Найдёнов. На валенках у него пеньковыми веревками были прикручены кривые стальные полозья, шинель распахнута, а с заиндеветого лица градом катился пот.

— Стойте! — сходу рывкнул Димон, проскользив на коньках прямо к дощатому столу и едва не сбив керосиновую лампу. — Товарищ полковник! Дезинформация! Немцы пойдут не слева! Настоящий кулак на правом фланге, у сгоревшей деревни! В ноль-пятнадцать прорыв!

Комдив застыл с кружкой у рта. Начальник артиллерии полка сурово нахмурился: — Лейтенант, ты пьян?! Какой правый фланг? У нас там разведка получасом ранее проходила — тишина!

— Да не пьян я! — рывкнул Димон, сорвав с валенка лезвие и грохнув им по карте. — Я из их тыла! Там бронетранспортёры, панцерваффе и батальон в маскхалатах! Я по губам их гауптмана срисовал: у них дедлайн на ноль-пятнадцать назначен! Если прямо сейчас гаубицы не развернёте, через пятнадцать минут нас всех здесь на ноль умножат!

Комдив пять секунд вглядывался в горящие, абсолютно трезвые и отчаянные глаза молодого лейтенанта. Затем грохнул кружкой о стол и схватил трубку связи: — Пост №1! Боевая тревога! Развернуть батарею на 170 градусов! Беглый огонь по квадрату «Четыре-Два» без команды в 00:10!

00:15.

Земля под ногами задрожала. Тяжёлые 152-миллиметровые советские гаубицы успели развернуться за рекордно короткое время и ударили беглым шквалом прямо по замаскированной немецкой колонне, только-только выходявшей на исходные позиции.

Ночное небо окрасилось багровыми вспышками. Взрывы немецких боекомплектов слились в единый непрерывный гул. Вражеский прорыв был сорван, не успев начаться.

А в полутёмном блиндаже Димон сидел на скамейке у печки, отогревая занемевшие ноги, пока старый ординарец Михеич наливал ему кружку горячего чая и с изумлением разглядывал лежащие на полу полозья.

— Ну и ну, лейтенант... — качал головой дед. — Это ж надо додуматься — на полозьях по льду, как на коньках в Сокольниках! Ты где так кататься-то научился?

Димон отпил горячий чай, улыбнулся и тихо ответил: — В детско-юношеской спортивной школе, отец. Левый нападающий! — Сынок, кровь на голове, задело что ль? — Где? — Димон потрогал кровившую ссадину на макушке. — Ух ты. И не заметил! — Ты бы к медикам сгонял! — посоветовал добродушно Михеич. — А то мало ли что! Вдруг заражение!

Январь 1943 года. Полевой медсанбат 144-й стрелковой дивизии.

Полевой медсанбат расположился в уцелевшем бревенчатом здании сельской начальной школы. Внутри стоял невозможный запах мази Вишневого, спутать который было невозможно ни с чем. За окнами, покрытыми слоем морозных узоров, выла январская метель, а в палатах стоял гул натопленных печек-буржеек и тихий стон раненых.

Димон сидел на скамье в перевязочной. После ночного рейда на суррогатных коньках рана, видимо, осколочная, слегка саднила, а левое плечо после жесткого силового тарана немецкого егеря украшал массивный иссиня-чёрный синяк.

— Ой, лейтенант, да не дергайтесь вы так! — строго, но с затаённой нежностью проворчала юная медсестра Людочка.

Она была совсем девчонкой — тоненькая, с большими серыми глазами и выбивавшимся из-под белой косынки со стёршимся красным крестом пшеничным локоном. Людочка аккуратно, кончиком ватного тампона, обработала ссадину на голове Димона жгучим йодом.

— Ой, Люда, полегче! — поморщился Димон, затаив дыхание. — Ты же не броню на Т-34 суриком красишь! — Потерпите, Петенька! — Людочка всплеснула руками и с улыбкой качнула головой. — Смотрите на него: немецкий патруль на льду раскидал, целый полк от артиллерийского удара спас, комдив ему личную благодарность объявил, а обычного йода боится как огня!

Димон окинул её тёплым взглядом. В этом адском месиве войны, среди оторванных конечностей и литров пролитой крови, эта девчонка выглядела как чистый ангелочек, нетронутый островок жизни.

— Эх, Людочка... — вздохнул Димон, разглядывая её миловидное лицо, но взгляд так и стремился на красиво обтянутую халатиком упругую грудь. — Вот кончится война. Времена настанут. В космос полетим. Кино прямо дома будем смотреть! Люди вообще забудут, что такое с проводами бегать и рации на спине таскать. Будет у каждого в кармане маленькая коробочка из пластика. Нажал пальцем и видишь человека за тысячи километров, как в кино! И говорить с ним можно хоть из леса, хоть из поезда.

Людочка замерла с пузырьком йода в руках, а потом не удержалась и звонко, по-детски рассмеялась, прикрыв рот ладошкой: — Ой, Петенька! Ну и сказочник же ты! Умный, смелый, а фантазии — прямо как у мальчишки в третьем классе! В кармане коробочка?! А столбы с проводами куда денутся, а? Куда их протягивать, к уху, что ли?! — Без проводов, Люда! — улыбнулся Димон. — По воздуху, через радиоволны. — Ну да, ну да, — ласково проговорила она, поправляя ему воротник нательной рубахи. — Скажи ещё, что и лекарства из воздуха делать будут!

В этот момент дверь перевязочной с шумом распахнулась. Санитары втащили носилки с привезённым раненым с переднего края. За ними вбежал пожилой, смертельно уставший ведущий хирург медсанбата — военврач в окровавленном клеёнчатом фартуке.

— Где записка?! — рявкнул хирург, расстёгивая бинты на бедре бойца. — Я спрашиваю, где записка с временем наложения жгута?! — Была под бинтом, товарищ военврач! — растерянно отозвался молодой санитар. — В грязи размокла, да пока в санитарке везли — видать, кровью залило, разлезлась в кисель! — Чёрт бы вас драл! — ругнулся хирург, запустив пальцы в седые волосы. — Как я теперь узнаю, сколько жгут висит?! Час? Три часа?! Если артерию пережал больше двух часов назад — там уже ишемический некроз! Ногу ампутировать надо, иначе гангрена и конец парню!

Димон поднялся со скамьи, накинул на плечи полушубок и подошёл к столу. В его голове мгновенно сработал курс первой помощи и спортивной медицины XXI века.

— Док, да что вы с этими бумажками мучаетесь? — спокойно проговорил Димон. — У вас же у всех химические карандаши есть.

Хирург тяжело повернул голову и въедливо уставился на младшего лейтенанта: — Ты, что ли, учить меня будешь, лейтенант? У меня операционная от раненых трещит, не до тебя!

— Слушайте, ну это же азы, я не учить... — не отступал Димон. — Людочка, бери химический карандаш или зелёнку, пиши точное время наложения жгута прямо у него на лбу или на щеке! Например, 14:30!

В перевязочной на секунду настала тишина. Хирург и медсёстры ошеломлённо уставились на Найдёнова.

— На лбу?... — переспросила Людочка. — Именно! — чеканно продолжил Димон. — Лоб у раненого всегда открыт! Врач на сортировке или в тыловом госпитале сразу бросает взгляд и видит: ага, на лбу написано «14:30», прошло пятьдесят минут. Жгут надо ослабить на пять минут, дать крови пройти, и нога спасена! Никакая бумажка не потеряется и не размокнет.

Хирург медленно вытер лоб внешней стороной ладони. Глаза ветерана медицины вспыхнули неожиданной догадкой.

— На лбу... — пробормотал доктор. — Господи, да это же... это же гениально и проще пареной репы! Люда! Химический карандаш сюда! Пиши у парня на лбу — 15:10!

Димон уже хотел вернуться на скамью, но, пройдя мимо соседней палаты для тяжёлых, приостановился. На койках лежали бойцы после операций. Они неподвижно смотрели в бревенчатый потолок.

— Док, ещё... — обернулся Димон. — Тяжёлые лежат сутками на спине, как мумии вытянуты. Они же от застойной пневмонии сгорят через неделю!

Хирург насупился: — А что я с ними сделаю? У них ранения живота и бёдер! Им двигаться нельзя! — Двигаться нельзя, а лёгким работать надо! — уверенно ответил Димон. — Люда, свяжи резиновую медицинскую перчатку и трубочку. Давай каждому лежачему — пусть через силу надувают эту перчатку по пять раз в день! И поворачивайте их на бок каждые два часа. Лёгкие будут вентилироваться, жидкость не застоится, и воспаления не будет!

— Ты откуда такой умный выискался, лейтенант? — ошеломлённо спросил хирург. — Из Военно-медицинской академии? — Да у нас в спортивной школе тренер по физподготовке строго за вентиляцией лёгких следил, — отшутился Димон.

Вечером перед выпиской Димон зашёл в каптёрку медсанбата. Из заснеженного леса он принёс Людочке охапку пушистых еловых веток с маленькими шишками, а из своего папиросного портсигара достал припрятанный кусочек колотого сахара-рафинада.

— Это тебе, Люда. За заботу, — тихо сказал он, протягивая ветки и сахар.

Людочка ахнула, роняя выглаженную косынку. Глаза её вспыхнули таким искренним светлым счастьем, что у Димона перехватило дыхание. Она подскочила на цыпочках, обняла его своими тонкими руками за шею и горячо прижалась губами к его губам. Димон ответил на поцелуй, почувствовав запах йода и волнующее прикосновение упругой девичьей груди.

И в эту же секунду где-то в глубине его подсознания больно и жгуче вспыхнуло лицо Юли — его девушки там, в Москве 2026 года... Совесть со скрежетом ковырнула сердце.

«Чёрт... Юлька же там... Что я делаю?» — на миг ужаснулся Димон.

Но уже в следующий миг он силой воли загнал это чувство глубоко внутрь, прикусив губу и найдя себе мгновенное оправдание: «Да ладно... Там Юлька, а я здесь... Здесь же всё равно всё как будто не по-настоящему. Словно какой-то дикий, затянувшийся сон или бред от контузии. Значит, не считается!» Он обнял Людочку крепче, окончательно глуша голос совести.

А через неделю по медсанбату пронёсся слух: будто благодаря двум простым советам лейтенанта Найдёнова смертность среди тяжелораненых упала почти на треть, а число ампутаций сократилось в разы. Пожилой хирург лично внес рационализаторские предложения в рапорт, отметив смекалку лейтенанта.

(От автора: Вот третья глава нашего романа. Она написана с высоким градусом напряжения, спортивной кинематикой хоккея и сбалансированным юмором!)

Февраль 1943 года. Ржевско-Вяземский выступ.

Февральский ветер гонял по чёрному от копоти разрывов снегу колючую позёмку. Разрушенная деревня на краю леса выглядела футуристически: если прикрыть наполовину глаза, можно было подумать, что это очертания Москва-Сити. Но Димон понимал, что это совсем не про то.

Тот, кем он был в этом мире — разведчик, младший лейтенант Найденов — сидел за импровизированным бревенчатым бруствером, стеной рухнувшего сарая, тяжело и хрипло дыша. Левый рукав полушубка был распорот, в патроннике нагана оставался ровно один патрон, а ПППШ заклинило ещё десять минут назад после близкого взрыва миномётной мины.

— Ну что, лейтенант, сходил в глубокий рейд за «языком»? — сквозь зубы пробормотал Димон, вытирая с подбородка смесь пота, копоти и засохшей крови. — Считаю, зажали на чужой синей линии. И смениться нечем.

В пятидесяти метрах, за заснеженными кустами ивняка, притаилась группа немецких альпийских егерей — взвод штурмовиков под командованием майора военной разведки Абвера. Немцы шли грамотно, рассыпавшись веером, и методично отрезали Найдёнову единственный путь отхода к лесу.

Высунешься — сразу срежет очередь из «костореза». Пойдёшь в лобовую с одним патроном — понятно, что будет, не вариант.

Ни гранат, ни лопаты, ни даже приличного кирпича. Только у самой стены, среди трухи и сухой соломы, лежали обломанные с одного края деревянные грабли — старая березовая рукоять от сенных граблей с полукруглым сучком на конце, удивительно напоминавшая детскую хоккейную клюшку. А рядом, неведь откуда взявшиеся, темнели пять замёрзших, тяжёлых, как булыжники, смолистых сосновых шишек.

— М-да... — усмехнулся Димон, подбирая березовую палку. — Балабановская фабрика «Деревообработка». Изгиб, конечно, не тот, и крюк без обмотки, но баланс... баланс вполне терпимый.

Он перевёл взгляд на кусты ивняка. Там, всего в пяти сантиметрах над снегом, недалеко от ствола берёзы виднелась едва заметная стальная проволока немецкой выпрыгивающей мины S.Mi.35 — знаменитой «лягушки». Немецкие сапёры установили её перед наступлением, да сами же про неё и забыли. А он её увидел случайно, когда блеснувшая на солнце проволока заставила сделать невероятный кульбит с переворотом, лишь бы не зацепить.

Радиус сплошного поражения у S.Mi.35 — тридцать метров. Если сорвать чеку, взрывной заряд подбросит стальной стакан со шрапнелью на метр в воздух, и триста стальных шариков выкосят всё живое на опушке.

Проблема была в одном: до взрывателя было ровно сорок восемь метров. И кругом колючий февральский ветер. А в нагана только один патрон, да и замерзшими руками не попадёт он. Не на то выучивался.

Димон пригнулся, подгреб носком валенка первую шишку, положил её перед деревянным крюком грабель и сделал короткий прицельный замах.

— Попробуем раскатить с кистей...

ХРЯСЬ!

Шишка со свистом взмыла над сугробом, описала дугу в воздухе и с глухим шлепком ухнула в снег в трёх метрах левее чеки.

За кустами раздался дружный гогот немецких егерей.

— Рус Иван — сдавайся! — донёсся хохочущий голос немецкого офицера. — Рус Иван плёхо от страх! Он кидает в нас шишками! — Тут из рощицы без страха, поднимаясь в полный рост, стали выходить егеря.

Немецкий майор, уверенный, что у одинокого советского разведчика кончились боеприпасы, смело поднялся во весь рост из укрытия. На нем был щегольской белоснежный маскхалат, а в руках — новенький автомат.

Димон подтянул вторую шишку. Замах, резкий щелчок — шишка полетела прямо в голову майору!

Но майор Абвера оказался с хорошей реакцией. Он со смехом сделал красивый выпад и со звонким щелчком отбил шишку стволом своего автомата, словно теннисный мяч!

— Фэрфэлен! Не попал! — Загрохотали егеря, беря винтовки и автоматы за стволы вслед за командиром, предвкушая развлечение. — Майор, отличный удар! Вы прямо как в Мюнхене на гольф-поле!

— Я три года играл за крикетный клуб Баварии, бездельники! — с гордостью откликнулся майор, утирая слезу от смеха. — Рус Иван, давай ещё одну! Я побью твой рекорд!

Димон поджал губы. Глаза его сузились, превратившись в две ледяные щели. Он вспомнил тот момент, когда его заметил тренер молодёжки: они собирали шайбы с поля, и он дальним кистевым броском закинул одну в баул для шайб сквозь щель в два пальца.

— Поиграем? — крикнул Димон баварцу. — Крикет, значит? Бавария?... Ну лови! — Рус Иван, дафай-дафай! — Сейчас проверим, насколько ты хорош, баварец, когда счёт 2:3 в третьем периоде! — уже тише произнёс Димон, выкатывая носком валенка третью, самую тяжёлую и смолистую шишку.

Димон замер. Он не просчитывал, он доверился инстинкту, но, разгребая снег до корки наста для удобства броска, отметил: порыв ветра справа налево где-то два метра в секунду; дистанция примерно сорок восемь метров; траектория по низкой дуге. Его персональная «девятка» — проволока прямо там, где капсюль боевой чеки.

Он перенёс вес тела на левую ногу, согнул колени, отвел грабелину назад и с дикой, сконцентрированной силой мышц спины и кистей сделал свой коронный бросок с кистей!

ХРЯСЬ!

Шишка сорвалась с березового крюка с таким свистом, будто это была отлитая стальная шайба! Она пролетела над сугробами по идеальной, невысокой траектории, прошла в сантиметре от приклада автомата обомлевшего майора и со снайперской точностью врезалась прямо в металлическую чеку рогатого взрывателя S.Mi.35!

ЩЁЛК!

Раздался сухой, страшный металлический щелчок освобождённого капсюля.

— SCHEISSE! SPRINGMINE! — заорал майор, и его лицо мгновенно побелело.

Но было поздно. Димон едва успел прыгнуть за брёвна.

Из-под снега с шипением вылетел стальной цилиндр мины, подскочил на уровень груди и детонировал с оглушительным, ушибившим уши грохотом!

БУ-У-УМ!

Сноп огня, дыма и трёхсот стальных шариков веером накрыл стоящих во весь рост егерей. Взрывная волна срезала кустарник и сбила с ног остатки немецкого отряда.

Димон не терял ни секунды. Выскочив из-за брёвен сараюхи с наганом в правой руке и грабелиной в левой, он в три прыжка преодолел заснеженный пустырь.

Среди дыма и стонов на снегу корчился майор Абвера. Взрывом ему посекло ноги, шинель была опалена, а сам он в шоке и панике пытался ползти к лесу, загребая снег окровавленными руками.

Димон нагнал его, сделал быстрый захват и с ходу впечатал майора лицом в сугроб, наступив валенком на лопатку и приставив дуло нагана к его затылку.

— Тайм-аут, баварец! Хенде хох! — тяжело дыша, сказал Димон. — Гейм овер.

Он рывком сорвал планшет офицера. Майор Абвера, утирая с лица кровь и снег, снизу вверх смотрел на советского лейтенанта с березовой палкой в руках глазами, полными дикого, суеверного ужаса: — Du... du bist ein Teufel... (Ты... ты дьявол...) Победить десять супербойцов! Егерей! И чем... шишками! Это невозможно! Какой батальон вас этому учил?!

Димон ухмыльнулся, пряча немецкий планшет за пазуху: — Детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва. Левый нападающий, майор. Вставай, пошли в штаб. Тебе там про крикет подробно расскажут.